

чивые выражения с компонентами *вечер*, *вечерний* не отмечены.

Наблюдение над словообразовательными гнездами с корнем *вечер-* в донских говорах и общенародном языке свидетельствует о том, что на Дону представлено значительное число диалектных единиц, мотивированных именем существительным *вечер*. Среди них общенародные слова, приобретенные в регионе другое значение (*вѣчер*, *вечерок*, *вечера*, *вечеринка*), собственно лексические диалектизмы (*вечерять*, *вечерять*, *вечерить*, *повечерять*, *повечерять*, *вечерешиник*, *вечерешиник*, *вечерошиник* и др.), лексико-словообразовательные единицы (*вечёрки*, *вечерин*, *вечерина*, *вечерини*), терминологические сочетания, устойчивые выражения. В диалекте представлены слова, связанные с повседневной жизнью, с хозяйственной деятельностью жителей сельской местности, что для городского жителя не является актуальным (в частности – названия молока вечернего, утреннего, обеденного удоя).

В систему казачьих говоров, безусловно, входят литературные, разговорные и просторечные слова с корнем *вечер-*, однако донские словари, материал которых был использован при написании данной статьи, являются дифференциальными, в них зафиксирована только диалектная лексика. Можем с большой уверенностью сказать, что на Дону известны и употребляются такие слова, как *вечереть* (клониться к вечеру, переходить в вечер; о наступлении вечера), *завечереть* (разг. – о наступлении вечера), *вѣчером* и *вечерком* (в вечернее время), *ежевечерний* (бывающий, происходящий каждый вечер), *предвечерний* (предшествующий вечеру, бывающий перед вечером), *свечереть* (о наступлении вечера) и др.

Литература

1. Большой толковый словарь донского казачества / науч. ред. В.И. Дегтярев. М. : Рус. словари; Астрель; АСТ, 2003 (БТСДК).
2. Кудряшова Р.И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области). Волгоград : Перемена, 1998.
3. Орлов Л.М. Русские говоры Волгоградской области. Волгоград, 1984.
4. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысьина, В.И. Супрун / под ред. проф. Р.И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград : Издатель, 2011. (СДГВО)

5. Словарь русских донских говоров. Ростов н/Д., 1975–1976 Т. I–III (СРДГ).

6. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. М. : Рус. яз., 1985 – 1988 (МАС).

Derivatives with the root “evening-” in the Don Cossack dialects of the Volgograd region and the general folk language

There are considered the word-formative families with the root evening- in the Don dialects and literature language. There are compared the word-formative models and semantics of language units.

Key words: *derivative, dialecticism, word-formative family.*

В.И. СУПРУН
(Волгоград)

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОЧНИК ДИАЛЕКТНОЙ ИНФОРМАЦИИ*

На основе архивных материалов описан говор с. Горный Балыклей Дубовского района, сохранивший северновеликорусские черты, но в целом не выделенный среди южнорусского наречия, поскольку имеет близкую к соседним говорам морфологическую систему и сходный лексический состав.

Ключевые слова: *русская диалектология, аканье, яканье, иканье, эпентеза, гиперизм, ассимиляция, синкопа.*

Авторитетным носителем диалекта является уроженец сельского населенного пункта, в котором проживало несколько поколений его предков (коренной житель), а сам он не уезжал на длительное время из села (станции, хутора); как правило, у него не слишком высокий уровень образования (хотя в последнее время значительное число информантов закончило среднюю школу); он не занимал в течение своей жизни высоких постов и не работал на должностях, связанных с постоянным общением на литературном языке, не часто прибегал к письменной фиксации речи. Наиболее устойчивый диалектный материал дают

* Статья выполнена в рамках гранта РГНФ №12-14-34500г.

пожилые люди. Носители диалекта не осознают или почти не воспринимают особенностей своей речи, особенно на лексическом уровне, считают употребляемые ими слова правильными и точными наименованиями описываемых реалий. Разумеется, эти условия не являются абсолютными. В нашей практике записи текстов на полноценном диалекте осуществлялись от учителей, работников культуры, бывших председателей колхозов и сельсоветов, хорошим знанием родного говора отличалась сельская молодежь, тонкие наблюдения за функционированием диалектных слов и фразеологизмов проводили приезжие люди, но все же это были скорее исключения, подтверждающие правило.

Поскольку архивы хранят в основном письменные документы (в последнее время все чаще сдаются на хранение также аудио- и видеоматериалы, но они в целом составляют незначительную часть фондов любого архива), то в них, на первый взгляд, трудно обнаружить реальную фиксацию народной речи. Действительно, документы XIX – начала XX в. отражают литературный язык, иногда несколько архаизированный, в котором редкими исключениями выглядят фиксации регионально ограниченных лексем и фразем. Это было связано с тем, что официальные документы оформляли специально обученные люди, владеющие нормами канцелярской речи, которые записывали тексты по существующим правилам. Однако ситуация резко изменилась после 1917 г., когда к власти пришли люди, не имеющие высокого уровня владения литературным языком. При составлении документов они легко и естественно включали в них диалектные единицы.

Особенно часто диалектизмы стали попадать в документы в период коллективизации и «ликвидации кулачества как класса» (конец 1920-х – начало 1930-х гг.), когда составлялись в большом количестве протоколы собраний о создании колхозов, отличающиеся записью свободной народной речи, в органы власти подавались заявления и докладные жителей сёл, фиксировались акты записи изъятого имущества у выселяемых кулаков и пр. Эти документы оформлялись местными жителями, закончившими в лучшем случае начальную школу, но часто ранее прибегавшими к письму как способу фиксации речи, поэтому в них широко отражаются особенности диалектной речи жителей сёл, станиц, хуторов.

В Государственном архиве Волгоградской области имеется фонд 467, в котором на-

ходятся документы, связанные с раскулачиванием, осуществленным в начале 30-х гг. XX в. в различных населенных пунктах тогдашнего Ольховского района Камышинского округа Нижне-Волжского края. Дело №20 г содержит документы Горнобалыклейского сельского совета, которые позволяют нам увидеть фонетико-морфологические особенности местного говора и установить его лексические единицы. Конечно, в силу специфики текстов мы не сможем обнаружить в них всей системы реализации говора: в записях отсутствуют глаголы, личные местоимения, наречия, слабо представлены прилагательные, союзы, предлоги, существительные обычно встречаются в форме именительного падежа. Значительное влияние на записывающего оказывает гиперкоррекция: в стремлении записать текст «по-культурному» носитель говора с невысоким уровнем образования постоянно отмечает [o] и [e] в безударной позиции как в орфографически правильных местах, так и на месте [a] и [и] литературного языка. Следовательно, можно говорить о письменных гиперизмах, когда ошибочное написание косвенно отражает наличие аканья и иканья в говоре. Все это затрудняет анализ диалектного материала, не позволяет полностью представить его фонетическую и грамматическую системы. Однако некоторые особенности говора можно восстановить по косвенным данным, выявляя фонетико-морфологическую систему по отмеченным чертам, экстраполируя данные гиперкоррекции на определение той или иной диалектной черты.

Горный Балыклей был основан в середине XVIII в. на берегу реки Балыклейки у места ее впадения в Волгу. Названо поселение было по реке. Гидроним впервые упоминается в форме *Болыклея* в указе о сторожевой и станичной службе от 16 февраля 1571 г. [1, с. 18], в котором говорится, что одного голову посылают из Казани в Караманский лес, откуда ему до верховий Болыклеи «проезду днища с 3 и меньше»; второй голова из Шацка стоит в Вежках на Дону и ездит до Балыклеи 4 дня [7, с. 12]. Гидроним имеет широкое распространение в местах проживания тюркоязычных народов, реки с таким названием имеются в бассейне Дона, Урала, в Сибири и т. д. Вероятно, первоначальное название реки было, как у притока р. Ашкадар на Урале, *Балыклы*, что в тюркских языках обозначает «рыбная» [5, с. 57]. Впоследствии финаль была преобразована для удобства произношения, возможно, не без влияния мордовского *лей* 'река, ручей'

[8, с. 28], широко представленного в средне-волжских гидронимах. Затем к названию был добавлен русский суффикс *-к(а)* (возможно, уже после образования на реке населенного пункта со сходным названием, чтобы различать два топонима, как это отмечается и в других подобных случаях).

В источниках встречаются названия населенного пункта *Балыклей, Болыклей*. Известный путешественник и ученый П.С. Паллас отмечал, что в *Болыклее* находится казачья станция, в которой 100 домов, построена церковь [10, с. 208]. Перепись населения 17 декабря 1926 г. установила, что здесь проживало 4963 человека [18, с. 4].

Село Горный Балыклей находится ныне на берегу Балыклейского залива Волгоградского водохранилища в 76 км на северо-восток от г. Дубовки, является центром сельского поселения, в которое входят также села Каравайка, Варькино и хутор Полунино. Сейчас здесь проживает 2800 чел.

Система говора Горного Балыкля подробного описания не получила. Село не включено Л.М. Орловым в какую-либо из групп волжских говоров Волгоградской области [9, с. 91–93]. По указанному выше архивному делу попытаемся определить фонетическую систему диалекта. В системе вокализма отмечается аканье. «Аканьем в узком смысле этого слова называют неразличение гласных фонем [о] и [а] в безударных слогах» [14, с. 100; ср.: 12, с. 61]. В документах встречаются записи *бачёнок* (Л. 2об.), *каржетка* (Л. 25). Косвенно отражают аканье письменные гиперизмы *бодья* (Л. 18), *тобуретки* (Л. 21).

В горнобалыклейском говоре имеется яканье, оно является ассимилятивно-диссимилятивным [6, с. 50–51], но для определения его типа примеров недостаточно: *колясо* (Л. 21), *разлятай* (Л. 24). Вместе с тем диалект имеет и иканье. «Иканье – тип безударного вокализма, при котором все гласные фонемы, кроме <у>, совпадают в 1-м предударном слоге после мягких согласных в звуке [и]» [13, с. 48]. В документах отмечены записи *кизики* (Л. 3об., 24), гиперизмы *чблеты* (Л. 2об.), *желетка* (Л. 24об.). Видимо, происходит вытеснение яканья иканьем: «<...> На юг иканье проникает из Москвы» [8, с. 45].

Регулярным явлением диалекта является эпентеза, вставные гласные [4, с. 107]: *пошоно* (Л. 16), *пашана* (Л. 41), *пошена* (Л. 18), *шесть* (Л. 41), *воельк* (Л. 3об.), *ражсаная мука* (Л. 3). Говор характеризуется и противоположным явлением – синкопой, полным выпадением

редуцированного гласного в соседстве с сонорными согласными [12, с. 69]: *сковрода* (Л. 4, 24), *навлочка* (Л. 25). Видимо, стремление к сингармонизму отражает запись *тубуретка* (Л. 4). В области консонантизма отмечены оглушение конечного согласного: *куп* (Л. 21), ассимиляция по глухости: *бескалош* (Л. 16). Переход [г] в [к] в иностранном слове можно рассматривать как фонетический дублет [3, с. 10]: *каржетка* (Л. 25).

Наиболее интересным фонетическим явлением горнобалыклейского говора, не представленным, насколько нам известно, в других диалектах Волгоградской области, является переход [г'] в [д'] и [к'] в [т']: *дейша* (Л. 23, 24), *катетка каимировая* (Л. 25), гиперизмы *платок бакистовый* (Л. 25), *платья бакистовая* (Л. 25). Это явление отмечается в среднерусских говорах к северу и северо-востоку от Москвы [1, с. 75], что позволяет сделать предположение о возможном исходном пункте первопоселенцев Горного Балыкля. Как и в других случаях, данный переход отмечается «в таких морфемах, которые не проверяются другими словоформами» [12, с. 45]. Переход мягких заднеязычных в переднеязычные заставляет предположить, что в диалекте встречается взрывной [г], поскольку южнорусский фрикативный [γ] переходит в [й]: *йерой, йермания* [16, с. 74].

Редким явлением для диалектного консонантизма является переход [ц] (видимо, [ц']) в [т']: *два тветка* (Л. 24). Обычно диалектологи отмечают переход [ч'] в [т']: *[т'и]стить, [т'е]ловек* [14, с. 52–53]. Видимо, перед нами лексикализованное явление, оно отмечено также в донских говорах: *тввет, твветик* [17, с. 602], где более регулярным является переход [ц] в [с]: *свет, светастый, светной, светок, светочек* (Там же, с. 533–534).

Морфологически говор не выделяется среди других южнорусских. В нем отмечен переход среднего рода в женский: *одеялка детская* (Л. 18), *зеркало старая* (Л. 18), *платья бакистовая* (Л. 25), характерный для существительных с безударным окончанием [12, с. 76].

Поскольку документы отражают акты описи вещей при изъятии имущества у кулаков, в них многие существительные записаны в форме родительного падежа множественного числа. Регулярным является окончание *-ов*, которое встречается повсеместно в 1-м и 2-м склонениях (Там же, с. 101) и отмечено во многих говорах южного наречия [16, с. 114]: *валенков* (Л. 10), *кадушков* (Л. 11об.), *тобуретков* (Л. 18), *сковрадов* (Л. 24), *вазов* (Л. 25). От-

мечены формы *тыквей* (Л. 2об., 21), *курей* (Л. 11об., 23), которые также повсюду распространены в народной речи юга России, например, в тамбовских говорах [12, с. 102], а последняя форма является устойчивой в русском просторечье. В женский род перешло слово *фрукт*: *фрукта сушёная* (Л. 3об.), эта форма отмечена также в донских говорах, где она употребляется в собирательном значении [17, с. 621].

Вероятно, в говоре имеется два окончания творительного падежа: регулярное *-ами*, которое в источнике не отражено, и *-ими* для слов с безударным окончанием [13, с. 94] или с ударением на основе [16, с. 115]: *калошими* (Л. 16). В говоре множественное число от слова *бочонок* образуется так же, как и от названий детенышей, – *бочаты* (Л. 2об., 24), при этом отмечается окончание *-ы*, как и в рязанских и некоторых других говорах [14, с. 143].

В силу особенностей источника среди лексем, зафиксированных в Горном Балыкее, отмечаются прежде всего названия предметов крестьянского обихода. При этом они отражают «этнографические различия и разнообразие природных условий, в которых складывалась жизнь русского народа» [15, с. 222]. Так, среди изъятого имущества значится *мёд арбузный* (Л. 2). Эта южнорусская реалия обозначает густую тягучую сладкую жидкость, приготовляемую из уваренного арбузного сока [17, с. 317]. Извлекаемые при этом арбузные семена называются *семечки медовые* (Л. 3об.), как видим, их тоже изымали у кулаков. Особенности местной природы отражают названия сорта груш *дули* (Л. 24), *дулички* (Л. 25), широко распространённого на юге (Там же, с. 154).

В народной речи «детализованы названия для предметов, имеющих или имевших в прошлом определенное хозяйственное значение» [6, с. 129]. Жители Горного Балыкля различают *ражаную муку* и *размол* (Л. 3). В донских говорах употребляются диалектизмы *размолка* и *размольная мука*, являющиеся энантиосемантическими единицами, поскольку обозначают муку как высшего качества, мелкого помола, так и грубого помола [17, с. 503].

Среди зафиксированных в источнике слов отмечается немало названий предметов одежды, которые чаще всего изымались. Не все из диалектных слов можно легко дефинировать. Широко распространено на юге название женского плюшевого полупальто *полусак* (Л. 24, 25). Понятным является широко известное название одежды без рукавов и ворот-

ника, надеваемой под верхнюю одежду – *поддёвка* (Л. 24). Сложнее определить вид одежды, представленный словообразовательными дублетами [3, с. 10]: *разлятай* (Л. 24), *разлетайка* (Л. 24), *разлетаевка* (Л. 24), внутренняя форма слова подсказывает, что речь идёт о женской одежде свободного покроя (ср.: [2, с. 1070]). Еще труднее определить, как выглядят *каржетка* (Л. 25) и *катетка* (Л. 25). Первое слово возникло, видимо, от литературного *горжетка* ‘полоса меха или шкурка, носимая в качестве воротника, плотно облегающая шею’ (Там же, с. 220), а второе, вероятно, восходит к *кокетка* ‘верхняя отрезная часть одежды, к которой пришивается остальная часть’ (Там же, с. 438).

Из обуви в актах записаны *челбеты* (Л. 2об.) ‘полусапожки на резинках с петлями по бокам’ [17, с. 678]. Головным женским убором является *касинка* (Л. 25, 39об.) с диалектным суффиксом на месте литературного *-ынка*.

Предметами домашнего обихода являются *черепушка* (Л. 4), *хлебельная чашка* (Л. 25), *утиральник* (Л. 18), *обой* (Л. 25). В крестьянском быту используется слово *седёлка* (Л. 4), ср. донское *седёлка* [17, с. 538]. Какое-то строение обозначается словом *каменка* (Л. 21), ср. аналогичное донское многозначное слово (Там же, с. 234). Северновеликорусской лексемой является *зыбка* (Л. 2об.), которой на юге соответствует *люлька* [11], однако в донских говорах также используется первое слово [17, с. 212–213], тогда как второе имеет здесь значение ‘коляска у мотоцикла’ (Там же, с. 306).

Итак, благодаря изучению архивных материалов можно восстановить диалектную систему с. Горный Балыклей, существующую в 30-е гг. XX в. Мы видим, что этот говор сохранил некоторые северновеликорусские черты ([г] взрывное, переход [г'] в [д'], [к'] в [т']), однако в целом он не выделяется среди южнорусского наречия, имея близкую морфологическую систему и сходный лексический состав с соседними говорами.

Литература

1. Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М.: Универ. тип., 1846.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
3. Диалектологическая практика: учеб. пособие / авт.-сост. И.С. Лутовинова, М.А. Тарасова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003.

4. Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970.
5. Крюкова И.В., Супрун В.И. Реки и водоёмы Волгоградской области: гидронимический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Изд-во ВГАПК РО, 2009.
6. Кузнецов П.С. Русская диалектология: учебник для учит. ин-тов. М.: Учпедгиз, 1951 (1960).
7. Марголин С.Л. Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века // Военно-исторический сборник. М.: Изд-во ГИМ, 1948. С. 3 – 28 (Тр. ист. музея. Вып. XX).
8. Орлов А. Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен и местностей. Вельск: Тип. М.-П. Кислемского, 1907.
9. Орлов Л.М. Русские говоры Волгоградской области: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1984.
10. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Часть вторая, кн. 1 / пер. Ф. Томанский. Часть третья, половина вторая. 1772 и 1773 годов / пер. В. Зуев. СПб.: Тип. ИАН, 1786–1788.
11. Пшеничнова Н.Н. Лингвистическая география. М.: Азбуковник, 2008.
12. Русская диалектология / под ред. В.В. Колесова. 2-е изд., стер. М.: Высш. шк., 1998.
13. Русская диалектология / под ред. Л.Л. Касаткина. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1989.
14. Русская диалектология / под ред. Н.А. Мещерского. М.: Высш. шк., 1972.
15. Русская диалектология / под ред. П.С. Кузнецова. М.: Просвещение, 1973.
16. Русская диалектология / под ред. Р.И. Аванесова, В.Г. Орловой. М.: Наука, 1964.
17. Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р.И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011.
18. Список населенных мест Сталинградской губернии: по материалам Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г. Сталинград: Губисполком, 1928.

Archival documents as a source of dialectal information

Based on the archival materials, there is described the dialect of Gorniy Balykley of Dubovsky region, which keeps North Great Russian features, but as a whole does not stand out of the South Russian dialect, because it has a morphological system close to the neighboring dialects, and a similar vocabulary.

Key words: *Russian dialectology, akanye, yakanye, ikanye, epenthesis, hyperism, assimilation, syncope.*

Ф.П. СЕРГЕЕВ
(Волгоград)

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ НАПИСАНИЕ, ХАРАТИЯ И ПИНЕХРОСА (по материалам договоров русских с греками X в.)

На материале текстов, представленных под X в. в русских летописях, исследуются лексемы «написание», «харатия» и «пинехроса», обозначающие понятие «договор» и смежные с ним понятия.

Ключевые слова: *летопись, заимствование, написание, харатия, пинехроса, синоним.*

Среди наименований договора в памятниках X в. встречаются лексемы *написание, харатия и пинехроса*. Рассмотрим их последовательно.

НАПИСАНИЕ. В договоре Олега 912 г. употребляются слова *писание* и *написание*: *Наша свѣтлость бо́ль инѣх хотящих еже бѣъ удержа-ти* (и Ипат. л.) *извьстити такую любовь бывшую межю хрестьяны и Ру(с)ю. многажды право судихомъ но то(ч)ю просто словеснь и писанием и клятвою твердою кление(с) оружьем своим, такую любовь утвердити и известити, по вѣре по закону нашему* (Л из Р, 912: 33); *(Но) подцимся елико по силѣ, на сохранение прочих, и всегда лѣт с вами грекы, исповеданием и написанием (А писаниемъ) со клятвою, извецаемую любовь непревратну и непостыжму* (Л из Р, 912: 33 – 34); *На утверженье же (и Ип.) неподвижние быти межю вами хр(с)тьяны и Ру(с)ю бывшии миръ сотворихом Ивановым написанием (А писаниемъ) на двою харатю ... И таковое написание дахом црства наше(г) на утвержение обо-ему пребывати. таковому советанию на утвержение и на извецание. межю вами бывающа(г) мира* (Л из Р, 912: 37).

По мнению Н.А. Лавровского, слово *написание* соответствует греческому *γράφω*. «Как официальное слово *συμβόλαιον* переводчик переделал в *свьѣцание* ..., так и *γράφω* (или ‘*απογραφή* в том же смысле) он буквально перевел словом *написание*». Ученый также полагает, что «*написание*» однородно со словом *свьѣцание*, с тем только различием, кажется, что первое есть общее, а второе частное название» [12, с. 120–121]. С.П. Обнорский, однако, считал, что *свьѣцанье* употреблено в значении ‘договор’ (= греч. *συμβόλαιον*), а *написание, писание* – в значении ‘грамота’ (= греч.